

НАША СТРАНА

Год издания — 38-ой. Буэнос Айрес, суббота 9 августа 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 9 de agosto de 1986 No. 1880

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛИЗМА

Сейчас, по ряду причин, — их было бы долго разбирать; заметим, что они *объясняют*, но не *извиняют* происходящее, — в русской эмиграции пошел в ход антисемитизм, доходивший до прославления Гитлера. Нужно учесть, что крайний, доведенный до предела антисемитизм неизменно упирается в абсурд: в отрицании христианства как якобы религии еврейского происхождения.

А это уже для верующих людей — прямое кощунство. Но даже и оставляя данный пункт в стороне, несомненно, что христианство, и в частности православие, настолько вошло в быт и пронизало собою историю и психологию русского народа, что если их отринуть, поколеблются все наши устои.

Кроме того, чем же было бы их заменить? От бесплодного и разлагающего атеизма наш народ устал, и к нему охладел. Да он и есть сила, стоящая целиком на стороне большевиков. А восстанавливать какую-либо древнеславянскую религию, на манер того как национал-социалисты пытались возродить культ Вотана, явилось бы чистым безумием.

Конечно, мыслим антисемитизм без крайностей, сводящийся к еврейским анекдотам и бытовому отталкиванию от евреев. Но он и менее одиозен и, одновременно, лишен политического значения. Впрочем, ненависть к какому бы то ни было народу в целом идет вразрез христианскому учению, гласящему, что все люди — братья.

Помимо уже антисемитизма, любовью крайний национализм, и уж конечно то, что именуют шовинизмом, — радикально непригоден для России.

Если в какой-нибудь стране с однородным, в основном, населением, он может спланировать жителей, — как мы видели в Германии (впрочем, с печальным конечным результатом), то в России, стране с необъятной территорией и с населением, различающимся языком, расой и верой, он бы неизбежно вызвал взрыв Империи изнутри (вот о каком и мечтает неизвестная Элен Каррер д'Анкосс), и стал бы силой не центростремительной, а центробежной.

Нам нужен всероссийский патриотизм; а крайний национализм такой роли играть не может. За исключением разве что случая если мы будем исходить из понятия общероссийской нации, и национализм трактовать как верность объединяющему ее государству.

Любовь к своему народу есть чувство прекрасное и законное, как равно готовность его защищать и гордость его достижениями. Но такая любовь предусматривает уважение к аналогичным чувствам у любого другого народа, в особенности же у народов, входящих в состав Российской Империи. Национальная же гордыня и самопревозношение только и

могут иметь скверные последствия, внутри и вне России, делая нас всем ненавистными. Опять-таки, мы ведь наблюдаем, куда пришли немцы в попытках самовозвышения.

Странно и грустно, если всерьез надо делать подобные предостережения! Ибо извечно русское племя отличалось высокой терпимостью и умением мирно ладить с иными народами, с которыми вступало в сожительство (на поле брани, мы умели давать врагам отпор; но к разбитым врагам относились человечно).

Это как раз наши противники и ненавистники — взвесим сей факт как должно! — нам подкидывают якобы желание русифицировать или

истребить все включенные в рамки империи национальности. На деле, монархи наши и наша администрация никогда себе таких целей не ставила. Если эти задачи возникали в умах экзальтированных мечтателей, вроде Пестеля и других декабристов, то ведь речь и идет о людях, стоявших вне правительственной системы и вне монархического мировоззрения.

Что же до истребления, то — кого мы истребили? Все исторически известные народности в пределах России сохранились, и даже умножились. Если же в отдаленные времена часть финских племен, исконных обитателей нашей земли, слились с

великороссами, то нет никаких свидетельств о войне или насилии; данный процесс протекал, видимо, стихийно и добровольно.

У нас именно нет на совести истребления целых народов, как у Соединенных Штатов, выросших на костях индейцев, или хотя бы у Англии, сложившейся благодаря вторжению языческих германских племен, подчинивших и в основном истребивших гораздо более культурных христианских кельтов, первоначально владевших островом, который они именовали Альбионом.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Б. ГАСАН

Трагедия России

В годовщину екатеринбургского царевубийства — годовщину трагедии России — уже немало лет Организация Российских Юных Разведчиков в Аргентине отмечает "День Скорби". И каждый раз делает это по новому, нестандартно, захватывающе и — что самое важное — в форме легко и глубоко усваивающейся нашей молодежью.

В этот раз, начальник ОРЮР Г. Л. Лукин скомпоновал на видео-кассете избранные сцены из фильма "Николай и Александра", поставленного в начале семидесятых годов по одноименной, весьма неплохой, книге американца Роберта Мэсси. Надо сказать, однако, что кинокартина с книгой имеет мало общего. Многие особенно яркие пассажи книги на экране не воплотились. Зато выдуманы другие, прямо выражаясь, лживые, типично голливудские. Но Г. Л. Лукин почти не остановился на ошибках кинорежиссера, а создал как бы новый короткометражный фильм, основанный на его самых удачных сценах.

В выборках (как впрочем и в самой кинокартине) Царская Семья показана жутко одинокой, как это и впрямь было — и до февраля, и после него.

Читая в газетах о страданиях и гибели несметного количества людей во всем мире, мы не содрогаясь, проходим мимо них и делаем это, по всей вероятности, в порядке самозащиты, ибо если бы мы остро переживали все эти ужасы, наших нервов хватило бы не надолго. Но и трагедия Государя, для многих из нас, порою окутывается наслоениями прошедшего времени и мы уже редко *сопереживаем* ее.

Зато показанные в Буэнос Айресе на Дни Скорби кадры, разодрали эту

пелену и вновь заставили сердце обливаться кровью. Мы вновь сопереживали со страданиями, тоской и бесконечными унижениями, которыми были подвергнуты царственные мученики и которые они приняли с кротостью, смиренем и исключительным достоинством.

Под взволнованный голос диктора краткими, меткими фразами заглушавшими английскую речь фильма, потекли сцены. Объявление войны... Император и войска... Император и народ... Император в ставке... Во псковской западне... Шантаж генералитета и думцев... Вокруг измена, трусость и обман... Вынужденное отречение... Оскорбления... Царский пленник...

В Тобольске, где советская власть не успела как следует укрепиться, до весны 1918 года были благоприятные обстоятельства для освобождения Царской Семьи. Как подчеркнул Г. Л. Лукин никто не предпринял реальную попытку это осуществить.

Правда, конкретная возможность спасения представилась в лице загадочного матроса Василия Яковлева. В фильме показаны его действия и он сам, но весьма сумбурно.

Кем был этот человек попытавшийся, по видимому, помешать убийству царственных мучеников? Его личность не была выяснена ни тогда, когда он был доверенным лицом революционной верхушки, ни когда он перешел на сторону Верховного Правителя России, адмирала Колчака.

Прибыл он в Тобольск 22 апреля 1918 года с инструкцией доставить Царскую Семью в Москву. Мэсси, в своей книге, писал: "Яковлеву было 32-33 года. Было видно, что его воспитание не соответствует одежде простого матроса, в которой он пред-

ставился. Он изысканно выражался, говорил "Государь" и "Ваше Величество", обращаясь к Николаю, а Жильяра приветствовал по-французски".

Яковлев, согласно всем свидетельствам, чрезвычайно торопился, опасаясь, что выработанный им план сорвется. Первым препятствием был новый приступ болезни царевича. Вследствие этого с Яковлевым отправились лишь Царь, Царица и Великая Княжна Мария.

Яковлеву было приказано привести императорскую чету в Москву. Но вместо этого он через Тюмень поехал в направлении на Омск. Он знал, это за Омском путь свободен, до самого Тихого океана. Но, как известно, поезд был перехвачен, а узники привезены в Екатеринбург. Когда Яковлев перешел к белым, то само ленинское руководство пустило слух, что он был главой монархического заговора и с самого начала хотел спасти Царскую Семью.

Однако вернемся к чередованию сцен. Захват пленников екатеринбургскими большевиками... приближение Колчака... канонады... надежда... новые оскорбления... И, наконец — зверское убийство Царской Семьи. На потрясающей сцене екатеринбургской расправы, резко обрывается кинокартина. И на фоне кровавых пятен на стене подвала, слова Г. Л. Лукина: "Убили Царя. Убили Царскую Семью. Никто не заступился за своего Царя: ни в Ставке, ни в Царском Селе, ни в Тобольске, ни в Екатеринбурге. Оставленный, брошенный на произвол судьбы, он принял мученический венец... Господи, помилуй нас грешных!"

Б. ГАСАН

ВЛАДИМИР САМАРИН

Не дать заглухнуть памяти

1.

Всем, кто знает литературу русской эмиграции, кому дорога наша эмигрантская литература, — знакомо имя поэта Ольги Анстей.

Начиная с 1946 года, стихи ее появлялись в разных наших изданиях, в журналах и газетах. Сначала в "Обозрении", "Горне", в журнале "Явь и быль", выходивших в Западной Германии в первые послевоенные годы.

Потом Ольга Анстей печаталась в журнале "Возрождение", выходившем в Париже, в журнале "Грани", в "Новом журнале", издающемся в Нью Йорке, в альманахах "Опыты", "Воздушные пути".

Кроме стихов, писала рассказы, статьи, рецензии, была литератором и литературоведом, но прежде всего — поэтом, исключительно требовательным к себе. Наверно поэтому за долгие годы эмиграции выпустила только два сборника стихов: в 1949 году в Мюнхене вышел сборник стихов Ольги Анстей "Дверь и стена", давно ставший библиографической редкостью, а в 1967 году, в Нью Йорке, вышел сборник "На юру", разбитый автором на шесть разделов: "Живые камни", "Фен" (фен — это сильнейший юго-западный ветер, налетающий временами в Южной Германии и Швейцарии), "Город внизу", "Паперть", "Побратимы" и "Стол у окна".

Удивительно своеобразие стихов каждого из этих разделов.

Владея несколькими иностранными языками, в совершенстве зная английский, немецкий и французский, Ольга Анстей много переводила из Рильке, из Честертона, из Тенисона, из Оскара Уайльда. В 1960 году, в издательстве "Чайка", вышел ее перевод повести Стивена Винсента Бене "Дьявол и Даниэль Вебстер".

Прекрасно зная литературу и поэзию — не только русскую, Ольга Анстей могла буквально часами читать наизусть стихи — и русских, и немецких, и французских, и английских поэтов.

Широко образованная, она обладала в области литературы энциклопедическими знаниями.

2.

Чтобы отчетливее представить себе образ поэта, как и писателя, нужно познакомиться, хотя бы в общих чертах, с его биографией.

Ольга Николаевна Анстей родилась в Киеве в 1912 году. Отец ее был юристом, а мать учительницей гимназии. Молодость Ольги Николаевны, как и всех нас, ее ровесников была не веселой: годы послереволюционной разрухи, годы голода начала тридцатых годов, годы сталинского террора конца тех же, тридцатых годов... Не легкое время, тяжелое время.

Поколение наше, прошедшее огонь и воду. Поколение, пережившее много тяжелого, но устоявшее.

Обладая редчайшими способностями усвоения иностранных языков, Ольга Николаевна окончила в Киеве Высшие курсы иностранных языков, работала машинисткой и переводчицей.

Стихи начала писать еще в детстве. Писала и в юности — и только, как говорим мы, пишущие, — в письменный стол. В Советском Союзе не печаталась и не могла печататься — такие были стихи.

В конце Второй Мировой войны Ольга Николаевна, как и десятки тысяч ее ровесников, ушла на Запад, эвакуировалась в Германию. До 1950 года жила в одном из центров русской эмиграции — в Мюнхене. В 1950 году переселилась в США, обосновалась и жила до самой смерти в Нью Йорке.

Зная несколько языков, в совершенстве владея английским, немецким, французским, много лет проработала переводчицей Отдела русских письменных переводов Организации Объединенных Наций.

3.

В 1967 году Ольга Николаевна заболела раком. Этот бич нашего времени, эта тяжкая, мучительная болезнь не сломила Ольгу Николаевну. Ряд лет она проходила различные процедуры. Ряд лет боролась с тяжким недугом. Первые годы лечение шло успешно. Метастазы распространялись, но медленно. Но вот за год до смерти был поражен мозг, и это означало — конец.

Я сказал о нашем поколении: устоявшее. Жизнь Ольги Николаевны Анстей достойный пример, доказательство тому. Вся молодость прошла в те страшные годы, когда бесовская власть обрушила на религию, на верующих гонения, каких история не знала со времен первых христиан. И вот, в условиях этих невиданных в течение многих столетий гонений на религию значительная часть русской молодежи сохранила веру в душе своей, укрепила ее еще в те годы, пронесла через всю жизнь.

Ольга Николаевна всю жизнь была глубоко верующим человеком.

Ее вера, ее надежда на помощь Господню помогали ей бороться с тягчайшим недугом в течение почти двенадцати лет. Она не мыслила своей жизни вне церкви. Она догие годы была псаломщиком в церкви Св. Серафима Саровского, где настоятельствует протопресвитер отец Александр Киселев, духовник Ольги Николаевны, проводивший ее в последний путь.

Те, кто был близок к Ольге Николаевне в последние годы ее жизни, вспоминают, что последние месяцы ее жизни, когда она уже знала о трагическом повороте в истории ее болезни, — ее не покидали присущие ей жизнерадостность и энергия.

За две недели до смерти она сказала дочери: "Я начну понемногу уходить".

Перед смертью отец Александр причастил ее. Скончалась Ольга Николаевна, как истинно верующий человек, тихо и спокойно. В последние часы ее жизни отец Александр читал над нею молитвы на исход души. Это было 30 мая 1985 года.

4.

В заключение я хотел бы познакомить читателей со стихотворением Ольги Анстей "Наше братство", — одним из лучших стихотворений сборника "На юру", очень характерным для ее мироощущения.

Вот это стихотворение:

Старишься, клонишься день ото дня.
Стерпится, слюбится сень гробовая.
Тихо уходит страстей суетня.
Воспоминания нить обрывая.

Только одно и горит как свеча —
Чувство товарищества поколенья.

Чувство шага. Чувство плеча.
Жесткие, стойкие, крепкие звенья.

Круг отрешенности и нищеты!
Бегство оборванных! Братство бездомных!
Братство простого дорожного "ты"
На перегонах завьюженных, темных.

Братья по третьему февраля!
Помните? В блеске невыносимом
День этот солнечным встал херувимом!
Помните? В полдень гудела земля.
Мглу над громадой Берлина стеля
Пламенем черным и пеплом и дымом!

Братство живых переплетенных рук —
Помните Кемптена плац окаянный?
Круг единенья, отчаянья круг —
Жертвенности хоровод осиянный!

Братья заплечного рюкзака,
Поднятого у края воронки!
Братская связь наша крепка
Из дому взятым в обрывке платка
Твердым ребром деревянной иконки.

Третье февраля... Кто был в Берлине 3 февраля 1945 года, никогда его, этот день, не забудут. Война кончилась. Германия лежала в развалинах. Германская армия фактически уже была разбита. Авиация и зенитной артиллерии почти не было, и англо-американская авиация беспрепятственно и безнаказанно бомбила города, где никаких войск не было, гда почти не было немцев-мужчин — были старики, женщины, дети. В Берлине еще были десятки тысяч рабочих-иностранцев, главным образом русских.

Террористический налет 3 февраля 1945 года был одним из самых страшных по числу человеческих жертв среди мирного населения.

Стихотворение "Наше братство" перекликается со стихами другого большого поэта Русского Зарубежья — со стихами Ивана Елагина. В сборнике стихов Ивана Елагина "По дороге оттуда", вышедшем в Нью Йорке в 1953 году, посвященном О. А., то есть Ольге Анстей, есть поэма "Звезды", посвященная отцу поэта, а в ней за душу хватающие строки:

Мы живем, зажатые стенами
В черные берлинские дворы.
Вечерами дьяволы над нами
Выбивают пыльные ковры.

Воспоминания о тех днях, о тех ночах навсегда остались с теми, кто все это пережил.

Покойная Ольга Николаевна прислала мне сборник "На юру" вскоре по выходе его из печати с таким посвящением: "... собрату-литератору и единомышленнику с теплым чувством дружбы — от автора".

С подлинным теплым чувством, с подлинно дружеским чувством писал и я этот некролог, ей посвященный.

Да будет легка чужая земля русскому поэту, замечательной русской женщине Ольге Николаевне Анстей.

ВЛАДИМИР САМАРИН

ЕСЛИ ВЫ СОГЛАСНЫ С
ЛИНИЕЙ "НАШЕЙ СТРА-
НЫ" — ДОСТАНЫТЕ ЕЕ
НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ.

Языковые Уродства

ВАЛЬДХАЙМ

"Русская Мысль" словно нарочно щеголяет нелепыми написаниями иностранных фамилий. Австрийский политический деятель Курт Вальдхайм. Между тем, например, знаменитый президент Финляндии, маршал Маннергейм, ни в царское, ни в советское время не назывался иначе, как именно так; и по тому же образцу передавались по-русски все сходные фамилии.

Ну, допустим, в немецком языке парижская газета слаба. Но отчего французский писатель Пьер Луи стновится на ее страницах *Пьером Льюисом*? Очевидно, в наши дни шикарно сделалось говорить по-французски с английским (или, скорее, американским?) акцентом.

Отметим там же странное сообщение, будто генерал П. Н. Краснов был *расстрелян* большевиками. По всем имеющимся сведениям, он был *повешен*. Это уже, конечно, не лингвистическая, а историческая бессмыслица. Но она представляет собою не менее яркое свидетельство о плачевном культурном уровне данного русскоязычного еженедельника.

Аркадий Рахманов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ПРОТИВ КОШУНСТВА

Нам пишут из Сиднея:

Шестого и девятого июня сего года состоялись большие демонстрации перед кинотеатром "Стэйт" в Сиднее (Австралия), по поводу богохульного фильма Годара, оскорбляющего Матерь Божию. Демонстрации были организованы католиками, но в них принимали участие и другие христиане, чтущие Божию Матерь, включая и православных. Так, на первую демонстрацию приехали два десятка русских православных людей и с ними два священника Зарубежной Церкви. Все стояли с зажженными свечами и молились Богу, каждый по своему. На первой демонстрации имели место небольшие беспорядки, но арестов не произошло. На второй же демонстрации раздражение христиан возросло и несколько из них было арестовано. После такого скандала фильм был снят с проката.

СПРАВЕДЛИВАЯ КАРА

Нам пишут из Сиднея:

Седьмого июля на рассвете были казнены через повешение два молодых австралийца. Казнь состоялась в столице Малазии Куала Лампур. Казненные были осуждены за торговлю наркотиками. Около трех лет назад таможенники в Куале Лампур обнаружили в багаже молодых людей 170 грамм героина. Просьба о помиловании двух правительств — австралийского и британского не имели никакого успеха. С начала этого года в Малазии было казнено 39 человек. Австралийцы были первыми европейцами; остальные — азиаты. Тела казненных выданы родственникам для погребения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. Карабчиевский, "Воскресение Маяковского" (Мюнхен, 1985).

Книгу бы вернее было озаглавить: "Умертвление Маяковского". Критик беспощадно обрывает поэту крылья и лапки, и прикалывает его к картону стальной иглой. Жалеть ли? Но, во-первых, ведь сей *агитатор, горлан и главарь* стоял всегда на стороне наших врагов, — на стороне, по выражению Солженицына, *врагов человечества*. А потом — большинство обвинений Карабчиевского в целом, и справедливы.

К числу самого убийственного принадлежат цитаты, взятые притом не из агиточных, а из лирических и интимных стихотворений. Например:

Я люблю смотреть как умирают дети.

Положим, нам тут же уточняется, что в жизни-то Маяковский не любил смотреть даже на агонию мух на липкой бумаге. Но такую гуманность могли проявлять и Ленин или, тем более, Гитлер (Сталин, тот вряд ли). По поводу же нижеследующего пожелания:

Дайте любую красивую, юную, —
Души не растрачу, изнасилую
И в сердце насмешку плюну ей!

автор книги с понятным возмущением комментирует:

"Изнасиловать" и "в сердце плюнуть" — эти действия невозможны в первом лице, да еще и в будущем времени", и квалифицирует данные слова как "кошмарные". Для обыкновенного порядочного человека да, оно так и есть. Но у Маяковского (и, заметим это еще — до-

революционного!) чудовищные вещи творятся во всех видах и временах глагола:

Я выжег души, где нежность растили.

Согласимся с восклицанием критика: "Ужасы, ужасы!"

Поэтому и не удивляет следующее размышление: "Каждый из сторонников революции хотел в ней видеть нечто свое, наиболее близкое и соответствующее. Маяковский увидел — массовое убийство, разрушение, затаптывание". Ибо: "К 17-му году молодой Маяковский оказался единственным из известных поэтов, у которых не просто темой и поводом, но самым материалом, его фактурой — были кровь и насилие". Ко времени революции: "Маяковский, единственный из всех современников, был уже готовым ее поэтом". При этом: "Революция заменила ему духовность, дала ощущение абсолюта, без которого он метался от крайности к крайности".

Затем, после Октября: "Угрозы и подстрекательские призывы Маяковского потеряли право на отвлеченность и символизм". Если прежде его стихи, даже и самые кровожадные по лексике, можно было расценивать как более или менее безобидную болтовню, то: "Теперь за страшным словом стоит подлинное страшное действие, и более того, — уже совершенное".

Ветер сдирает списки расстрелянных,
Вет, закручивает и пускает в трубу.

И взяв этот тон, Владимир Владимирович его выдерживает все остальное свое существование, вплоть до написанных незадолго до конца _строк:

Плюнем в лицо той белой сволочи,
Сюсюкающей о зверствах Чека!
или:

Враг наступит, покончить пора
С их бандой попово-кулацкой.

Было ли влияние Бриков для него роковым? Или он нуждался в их помощи, и они ему были необходимы? Вопрос, пожалуй что, праздный. Все было демоническим в их связи, в их *ménage à trois*, — и с обеих сторон. Прав Карабчиевский, констатируя: "Нет, все же было что-то жутковатое в этом тройственном союзе. Пахло, пахло и серой, и шерстью паленой..." В самом деле: "Суровую дружбу соперников мы еще как-то можем себе представить, но нежная любовь любовника к мужу — это уж нечто непредставимое, это выше любых возможностей".

Трагическую роль Брики все же в судьбе Маяковского сыграли, — не выпустив его за границу, когда он рвался в Париж, влюбившись в Татьяну Яковлеву. Хотя, впрочем, вышло ли бы из того что-либо хорошее? Можно тоже сомневаться... Справедливо, потому, считать, что к самоубийству они его подтолкнули. Однако... было ли самоубийство-то? Собственно, была страшноватая игра в американскую рулетку, — с раскрученным барабаном револьвера, куда был вложен один патрон, — и была уже не в первый раз. Только, — на этот раз с неудачным исходом.

Поводов было, вероятно, много, как и считает Карабчиевский, и все — не очень важные. Полонская, которую он уговаривал бросить мужа и остаться с ним навсегда, не отказывалась, а только поставила условием, что она с мужем сперва объяснится. Грипп, изводивший поэта, — резон и вовсе второстепенный (хотя

содействовать, вернее посодействовать, вполне мог). Наконец, перемены в политике, означавшие уменьшение роли Маяковского, — были ли они, и верил ли он в них сам? Карабчиевский полагает, что сталинщина не мирилась вообще с крупными фигурами. Но вот Горького же терпели и ценили еще долго потом? Другое дело, не было ли бы хуже для Маяковского, проживи он дольше и участвуя во всех позднейших мерзостях советского строя...

Чрезвычайно глубокие и увлекательные мысли высказывает Карабчиевский, в конце своей работы, о Маяковском как орудии Дьявола или о человеке, впадшем в сатанинское искушение. Эти его предположения близки к прозрениям истины, и над ними весьма стоит призадуматься.

Интересны тоже его замечания о Цветаевой. Об Есенине, наоборот, он говорит пустое, желая видеть в его гибели одни лишь личные мотивы, и отвергая социальные, — которые, в данном-то случае, как раз несомненно и налицо.

Но что на Цветаеву повлияли творческие приемы Маяковского, которым она восхищалась как поэтом, хотя и не разделяла никак его политических взглядов, — эта догадка похожа на правду. В самом деле, насколько ранняя Цветаева, и даже зрелая уже, ярче и свежее ее же стихов последнего периода, экспериментальных, в герметической, сверхлаконичной манере!

Из газет мы узнаем, что Карабчиевский сейчас хлопочет о выезде из СССР, и что власти ему препятствуют. Пожелаем ему удачи!

Владимир Рудинский

Хотел бы купить сборники религиозно-нравственных рассказов и стихов. Собираю также народные сказания о нечистой силе, о чудесах и проявлениях милости Божьей, спасении от смерти, большевиков, партизан.

Писать по следующему адресу:
"The Orthodox Christian Family"
P. O. Box 1944 — TRENTON NJ
08607 USA

Некролог

В субботу 10 мая спокойно, сидя наклонила голову и так скоропостижно умерла на 80-ом году жизни Мария Михайловна Чоловская.

Когда ее отец умер, ей было пять лет. Осталось пять маленьких детей, которые испытали много горя.

При коммунизме Мария перенесла три голодовки; в Аргентину приехала в 1949 году.

Н. Ч.

ПОЛУЧЕННЫЕ КНИГИ

Д. А. Антонов — "Сегодня" (22 июня 41 — Чернобыль). Издательство Чеховград, 1986, 208 страниц. Цена 12 н. м., во всех книжных магазинах. Катастрофа — как неизбежное и закономерное последствие тоталитарного режима, отсутствия информации, свободы.

Трибуна Читателя

МЕНЬШЕ СЛОВ, А БОЛЬШЕ ДЕЛА

У финнов есть пословица: "разговорами моста не построишь — нужны бревна". И четырех миллионов финнов так и не смог одолеть гигантский СССР, не смог инвентаризировать коммунистическую тиранию.

А русские погубили свою величайшую в мире Империю разговорами, митингами и лужганием семечек. И сейчас в эмиграции одни только тары-бары, растабары, гулянки, банкеты, танцы в субботу вечером и "трапезы" с неизменной бутылочкой водки на столе — приучение людей к алкоголизму.

Дело не в том, что кто-то требует быть очень набожным, посещать церковь каждую субботу и воскресенье. Но элементарную порядочность все же надо иметь, надо уважать веру отцов и матерей, Закон Божий. Помните одно, что безбожник и коммунист почти равнозначны.

Андрей Зайцев (США)

Зарубежная Жизнь

РУССКИЙ ЭСТРАДНЫЙ КОНЦЕРТ НА ЧУЖБИНЕ

В воскресенье 20 июля в буэнос-айресском прицерковном зале на улице Бразиль 315 состоялся русский эстрадный концерт. Маленький зал, (100 мест) был почти полон. В нем царил теплая театральная атмосфера. Зрители дружно и долго аплодировали всем участникам концерта, кричали "браво" и "бис".

Хочу особенно отметить превосходное пение Наталии Калиняк и Виктора Трофимова, которые с большим чувством исполнили дуэт "Белой акации гроздь душистые" и другие песни и романсы. Хорошо сыграла на пианино произведения Шопена пианистка Фанни Наваро. Порадовала всех своим свежим голосом, впервые выступавшая молодая певица Мария Милутинович. Особенно ярко прозвучала в ее исполнении песня "Далеко-далеко".

Приятным сюрпризом было выступление двенадцатилетнего мальчика-балалаечника Андрея Трегуб. Он исполнил несколько произведений. Особенно всех тронуло его исполнение русской народной песни "Меж крутых берегов. Волга-речка течет". Аккомпанировал ему на гитаре, его учитель, маститый мастер балалаечной игры Анатолий Ван-Фу. Родители Андрея Трегуб, вероятно, сами никогда не видели России, выросли на чужбине, а вот сына своего научили играть на народном русском инструменте. Честь им и хвала!

Удачно прочитал рассказ А. П. Чехова "Злой мальчик" и стихотворение Аргуса "Увы" — Николай Снежинский. Аккомпанировала на пианино Эльза Трауб.

Программу вел Николай Снежинский.

Почет и уважение всем участникам концерта, которые, несмотря на жизненную усталость, ежедневные заботы, еще находят время для репетиций и выступлений. — и несут, таким образом, в своих руках уже маленький, но все еще горящий огонек русского эстрадного искусства на чужбине.

Михаил Климов

Толстовский Фонд в Аргентине сообщает, что 26 июля с. г. после продолжительной болезни скончалась

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА ШАУФУС

Деятельность Татьяны Алексеевны хорошо известна всей русской эмиграции. Толстовский Фонд в Аргентине приглашает всех соотечественников почтить ее память и помолиться за упокой ее души. В воскресенье 10-го августа с. г., после Литургии, в Соборном Храме Св. Воскресения Христова, будет отслужена панихида.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,30. В остальных странах — 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO	Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B)	Interes general. Conces.No. 3980